

text

Konstantin Lidin

photos of Sorbonne

Elena Grigoryeva

In the 1970s the period of global development in the context of the hyperbolic growth of the key indicators came to its end. The demographic, economic, scientific and technical growth decelerated. Against the background of the reduced flow of innovations the social image of universities changes, while approaching the image of medieval monasteries. The architecture of universities evolves accordingly. It tends to isolate campuses from the city structure and aspires to international and supranational stylistics, which is common for universities of the whole world.

Keywords: University; architecture; campus; global context; "new Middle Ages".

Introduction. Five hundred years of acceleration

Archeologists believe that the first cities appeared on the Earth approximately in the 50th century BC. For more than ninety percent of the time that has passed since then, the people's lifestyle, technologies of peaceful and military life and the world's total population have remained practically unchanged.

The situation changed dramatically in the age of Enlightenment, when Europe and then the whole world system got into the so-called conditions of development with aggravation. At the same time, interrelated processes (population growth, increase in literacy rate, technological progress and urbanization) gather pace. Each process has similar growth characteristics: it is a hyperbolic function with an inflection in the XV–XVI centuries and a rapid growth in the following fifty years (Korotaev, Komarova, Halturina, 2007). The logical scheme of connection of these processes is simple: urbanization creates growth of literacy, because education is more necessary

and available in the city. The growth of literacy causes acceleration of technological process, and new technologies make production more effective and raise real household earnings. In its turn, the increase in real household earnings allows more and more people to feed in the same area: population concentration grows and boosts urbanization. The circle is closed, creating a regenerative system: all parties of the common process accelerate and support each other. The result is obvious. For thousands of years the Earth's population never exceeded 100–300 million people. By 1800 it reached one billion. In 1960 it was about three billion, in the middle of the 1980s – five billion, and today it exceeds seven billion people. In 2009, for the first time in the history of mankind, the urban population was equal to the rural population.

The effectiveness of the world economy grows even faster (it is usually figured out in the GDP per capita). In the 1950–1980s the average population growth rate was 1.7–1.9% per year, and the growth rate of the GDP was 3.1–4.6% per year.

Полигон прогресса в эпоху замедления Архитектура университетов в контексте глобальной стабилизации

текст

Konstantin Lidin

фото по Сорбонне

Елена Григорьева

В семидесятых годах XX века завершился период глобального развития в режиме гиперболического роста основных показателей. Демографический, экономический, научно-технический рост замедлился. На фоне снижения потока инноваций социальный имидж университетов меняется, сближаясь с имиджем монастырей Средневековья. Соответственно развиваются тенденции в архитектуре университетов – стремление к изоляции кампусов от структуры городов и стремление к международной, наднациональной стилистике, единой для университетов всего мира.

Ключевые слова: университет, архитектура, кампус, глобальный контекст, «новое средневековье»

Пятьсот лет ускорения

Как считают археологи, первые города появились на Земле около пятидесятого века до нашей эры. Больше девяноста процентов времени, прошедшего с тех пор, образ жизни людей, технологии мирной и военной жизни, общая численность человечества оставались практически неизменными.

Ситуация начала кардинально меняться в эпоху Просвещения. В это время Европа, а затем и вся мир-система входит в так называемый режим развития с обострением. Одновременно ускоряются взаимосвязанные процессы: рост народонаселения, рост уровня грамотности, прогресс технологий и перетекание населения из сельской местности в города (урбанизация). Характер роста всех этих величин выглядит удивительно схожим – это гиперболические функции с перегибом в XV–XVI веках и стремительным, все ускоряющимся ростом в последние пятьсот лет [1]. Логическая схема связи этих процессов проста и очевидна: урбанизация вызывает рост образованности, потому что в городе образование нужнее и его легче получить. Рост грамотности вызывает ускорение технологического прогресса, а появление новых технологий делает более эффективным производство и повышает реальные доходы населения. В свою очередь, рост реальных доходов дает возможность все большему числу людей кормиться на той же территории: концентрация населения растет, подстегивая урбанизацию. Круг замкнулся, образовалась система с положительной обратной связью – все стороны общего процесса взаимно ускоряют и поддерживают друг друга. Результат очевиден. На протяжении тысячелетий население Земли не превышало 100–300 миллионов человек. К 1800 году общая численность человечества приблизилась к миллиарду. В 1960 году она составила около трех миллиардов, в середине восьмидесятых – пять миллиардов, а на

сегодняшний день превысила семь миллиардов человек. В 2009 году впервые за всю историю человечества численность городского населения сравнялась с численностью сельского.

Еще более стремительно растет эффективность мировой экономики (обычно выражается в валовом внутреннем продукте – ВВП на душу населения). В пятидесятых – восьмидесятых годах прошлого века средний темп роста численности человечества составлял 1,7–1,9 % в год, а ВВП рос со скоростью 3,1–4,6 % в год.

Уровень образования (населения старше 25 лет), исчисляемого средним количеством лет проведенных в школе всех уровней, неуклонно повышался во второй половине XX века во всем мире. По данным Центра международного развития при Гарвардском университете, за период с 1960 по 2000 год названный показатель увеличился в мире почти в 1,5 раза, с 4,61 до 6,72. В развивающихся странах он вырос в 2,7 раза, с 1,79 до 4,89, а в развитых – в 1,4 раза, с 6,97 до 9,8. В странах переходной экономики уровень повысился с 7,17 до 9,95 [2].

В 1960 году авторитетный журнал Science опубликовал статью под хлестким названием «Конец света: пятница, 13 ноября 2026 года от Р. Х.». В статье был обоснован гиперболический характер роста населения, из которого следовало – к указанной дате число людей Земли станет бесконечно большим [3].

Исследования М. Мэдисона, опубликованные сорок лет спустя, показали, что примерно в те же сроки следует ожидать «экономический конец света». В субботу, 23 июля 2005 года, глобальный ВВП на душу населения должен был стать бесконечно большим [4].

Итак, практически уже сегодня Земля была бы населена бесконечно огромной массой бесконечно богатых людей. Если бы тенденции развития не изменились.

The level of education (of the population older than 25) in terms of the average number of years spent in school was constantly growing in the second half of the XXth century all over the world. According to the data provided by the Center for International Development at Harvard University, from 1960 to 2000 the world's level grew almost by half, from 4.61 to 6.72. In the developing countries it grew by 2.7 times, from 1.79 to 4.89, and in the developed countries – by 1.4 times, from 6.97 to 9.8. In the transitional countries it grew from 7.17 to 9.95 (Klinov, 2008).

In 1960 the authoritative journal *Science* published an article under the straight-from-the-shoulder name “Doomsday: Friday, 13 November, A. D. 2026”. The article explained the hyperbolic character of the population growth and concluded that by the given date the number of the Earth's population would be infinitely great (Foerster, Mora, Amiot, 1960).

40 years later, the research by M. Maddison stated that approximately at the same time the ‘economic doomsday’ was expected. On Saturday, July 23, 2005, the global GDP per capita would become infinitely great (Maddison, 2003).

Thus, nearly today the earth would have been inhabited by an infinitely great number of infinitely reach people, if the development trends had not changed.

The doomsday won't happen

The turning point occurred in the late 1960s – early 1970s and was regis-

The Polygon of Progress in the Epoch of Retardation Architecture of universities within the context of global stabilization

Конца света не будет

Перелом в развитии состоялся в конце 1960-х – начале 1970-х годов и был зафиксирован в семидесятые годы прошлого, XX века. Население не перестало расти, но темпы роста начали уменьшаться. То же самое можно сказать и про уровень образованности, и про экономические показатели. Да, именно в это время происходило японское, а чуть позже – южно-корейское «экономическое чудо», но в глобальном масштабе рост замедлялся. Тысячелетний цикл ускорения – замедления подошел к завершению, и даже стремительно богатеющий Китай не смог перевесить общей тенденции к торможению экономического, демографического и технологического роста.

Прогнозы экспертов на текущий век таковы: ближайшие десятилетия будут переходом от бурного развития к стабильности. Население вырастет до уровня около десяти миллиардов, на чем и остановится. Экономика развитых стран и дальше будет замедляться в своем росте, так что к 2050-м годам Китай догонит и перегонит США, Индия – Японию, Бразилия – Германию, а Россия – Италию. Страны развитого Запада полностью сосредоточатся на производстве знаний и превратятся в научно-технологические придатки новых лидеров глобальной экономики [2].

Относиться к таким прогнозам (как и к любым прочим), разумеется, надо с долей скептицизма. Однако нет оснований отрицать мощные тенденции в мировой экономике:

- рост стран «золотого миллиарда» замедляется во всех смыслах – демографическом, экономическом, технологическом... Соответственно, их безусловное лидерство становится уже не таким безусловным;

- реальное производство смещается в регионы с самой дешевой рабочей силой. Современные технологии включают в себя весьма эффективные «защиты от дурака» – в результате высокая квалификация работников уже не обязательна, важнее дешевизна. На современном автоматизированном оборудовании может работать не только дисциплинированный и образованный немец, но и камбоджиец, и вьетнамец. При этом камбоджиец готов жить на один доллар в день, а немец – совсем не готов;

- быстро и необратимо формируется единое глобальное информационное пространство. Информация

< Один из самодельных постеров парижского «Красного мая» 1968 г. «Будь молодым и помалкивай» / One of the self-made posters of the Parisian 'Red May' of 1968. "Be young and keep silent"

любого характера – от бытовых сплетен до новейших ноу-хау – легко перетекает через любые границы и запреты. Формируется глобальный рынок информации с небывалой, фантастической динамикой всех процессов. Свежие новости, книги, фильмы, дизайнерские разработки, промышленные технологии нужно продавать очень быстро, иначе их просто украдут и бесплатно вывесят в социальных сетях.

Университет как источник социальной угрозы

На фоне происходящего меняется и роль университетов. В каком-то смысле идет возврат к укладу жизни раннего Средневековья – к Темным векам, когда распад Римской империи вызвал такое же прекращение роста западной цивилизации. Десять веков после этого Восток (в первую очередь арабские страны, Индия и Китай) в своем неспешном, но непрерывном развитии опережал Европу

tered in the 1970s. The population did not stop growing, but its growth rate began to decrease. The same is true of the education level and economic results...

The experts predict that the nearest decades will be a transition from rapid development to stability. The population will reach ten billion and then stop. Developed economies will continue cooling down so that by the 2050s China will have caught up and outdone the USA, India – Japan, Brasilia – Germany, and Russia – Italy. The developed western countries will be completely focused on knowledge production and will turn into scientific and technological appendices of the new leaders of the global economy (Klinov, 2008).

Certainly, such predictions should be taken with a grain of salt. But the following economic trends are evident:

- the growth of countries of the 'golden billion' is retarded in demographic, economic, technological and other aspects. Consequently, their leadership is not so unchallenged anymore;
- real production shifts to the regions with the cheapest labour. Modern technologies include effective 'fool tolerance'. As a result, high qualification of employees is not obligatory, the cheapness is more important...;
- the common global information space develops very quickly. Information of any kind – from ordinary gossips to the newest know-how – easily leaks through any borders or bans. The global information market is being formed with fantastic dynamics of all processes. Hot news, books, films,

design and industrial engineering should be sold very quickly, otherwise they will be stolen and placed on social media – for free.

University as a source of social threat

In this context, the role of universities changes. In a way, they return to the lifestyle of the early Middle Ages, the Dark Centuries, when breakdown of the Roman Empire caused the same cessation of the growth of Western civilization. For ten centuries after that, the East (first of all, Arab countries, India and China) with its unhurried but continuous development outgrew Europe in economic and cultural achievements. Educational institutions not yet named as universities were housed in monasteries and looked like something between a fortress and a research institute.

In fact, no wonder that foundation of universities in the XIII-XVth centuries coincided with the beginning of growth and development acceleration. It was in universities that new ideas and philosophical foundations for changing the lifestyle were created and keenly discussed. Then, in the late Renaissance, the European 'think tanks' shifted their focus from humanities to natural sciences. Great mathematicians made a breakthrough in mechanics and astronomy that after 300 years led to the first technical revolution, 'the steam machine revolution' of the XVIIIth century.

In the same period the Western accelerating civilization collided with the Eastern one, and that collision was catastrophic. Cold-blooded readiness to sacrifice old things for new ones, a striking flow of changes, rapidly growing

> Так выглядели стены Латинского квартала в мае 1968 года. Уличная информационная война с истеблишментом / The walls of the Latin Quarter in May 1968. The street information war against the Establishment

по экономическим и культурным достижениям. Учебные заведения, тогда еще не носящие гордого имени университетов, размещались в монастырях и представляли собой нечто среднее между крепостью и научно-исследовательским институтом.

Возникновение собственно университетов в XIII–XV веках совпало с началом ускорения роста и развития, и вряд ли случайно. Именно в университетах рождались и оттачивались в диспутах новые идеи, философские основы для изменений образа жизни. Затем, на исходе Ренессанса, интерес европейских «фабрик мысли» начал смещаться от гуманитарной к естественнонаучной сфере. Трудом великих математиков готовился тот переворот в механике и астрономии, который через триста лет привел к первой технической революции – «революции паровых машин» XVIII века.

В те же сроки разгоняющаяся цивилизация Запада столкнулась с восточной, и столкновение было катастрофичным. Безжалостная готовность жертвовать старым ради нового, ошеломляющий поток изменений, стремительно растущая сила европейской протестности – все это выглядело непреодолимым. Целые народы и культуры исчезали с лица Земли и замещались производными от европейских культур и народов. Экспансия меняющегося образа жизни, казалось, не остановится, пока не охватит все человечество.

Вторая («электрически-химическая революция» XIX века) и третья НТР (информационная, XX век) опирались на ту же декартову методологию. Но дистанция между фундаментальными разработками ученых и революционными переменами в образе жизни становилась все короче. Во второй НТР использовались открытия химиков и физиков, сделанные примерно за сто лет до того. Информационная революция запустила в ход идеи, насчитывающие от роду два-три десятилетия [5].

Сегодня основной вектор развития науки, похоже, поворачивается опять в сторону гуманитарной сферы. Наиболее революционные идеи появляются на стыках между экономикой, психологией, историей, лингвистикой, антропологией и так далее. Гуманитарные технологии позволяют управлять поведением людей и народов, и совершенствование этих технологий идет по путям, отработанным тремя НТР. Потрясения и перевороты, которые сулят гуманитарно-технологические новшества, могут стать еще кардинальнее, чем в предыдущие эпохи. Тем более что скорость реализации новых представлений увеличивается, а готовность социума к переменам снижается.

Университеты на наших глазах превращаются в источники социальной угрозы. На фоне глобальной тенденции к стабилизации они продолжают порождать новые и новейшие образы жизни, отрицающие старый привычный уклад. Мировая информационная сеть подхватывает эти новые образы и стремительно тиражирует – от Запада, который строит свою экономику на производстве знаний до Востока, у которого исторически отсутствует иммунитет к новым образам жизни.

Нежелание тормозить

На рубеже 1960–1970-х годов социальная угроза, которую несут университеты, проявилась в наиболее очевидном и непосредственном виде. Студенты и молодые преподаватели Парижского университета первыми почувствовали наступающий переход к стагнации и отозвались на него со всем максимализмом юности. В мае 1968 года студенты университета Нантьер (входившего тогда в состав Парижского университета) устроили беспорядки по поводу ущемления традиционных

power of the European proteism – it all looked irresistible. Entire nations and cultures disappeared from the Earth and were replaced by derivatives of European cultures and nations. Expansion of the changing lifestyle was not going to stop until it covered the whole mankind.

The second (electrochemical revolution of the XIXth century) and the third (information revolution of the XXth century) scientific and technical revolutions were based on the same methodology of Descartes. But the distance between fundamental scientific works and revolutionary changes in the lifestyle became shorter and shorter. The second scientific and technical revolution used inventions made by chemists and physicists about a century before. The information revolution launched the ideas that had appeared 20-30 years before it (Bell, 1973).

Today the main vector of scientific development seems to turn to the humanities. The most revolutionary ideas appear at the interface between economics, psychology, history, linguistics, anthropology, etc. Humane technologies ensure control over behaviour of people and nations. These technologies are upgraded in the ways worked out by the three scientific and technical revolutions. Upheavals and overturns resulted from humane-technological novelties can become more dramatic than in the previous epochs. Especially since the speed of realization of new ideas grows, while the socium's readiness for change decreases.

привилегий Сорбонны, а также из-за повышения платы за образование. К беспорядкам сразу же присоединились профсоюзы, объявившие всеобщую забастовку. Начались демонстрации и стычки с полицией, на улицах появились баррикады. Бунтующих студентов поддержали молодые интеллигенты – Жан-Поль Сартр, Мишель Фуко и другие, менее знаменитые.

Некоторые пункты требований бунтарей были более или менее понятны – отставка 78-летнего Шарля де Голля, выделение дополнительных финансовых средств на образование, введение студенческого самоуправления, смена приоритетов в системе высшего образования. Больше всего студентов бесило, что им навязывают явно ненужные предметы, явно устаревшие методики и явно выживших из ума (от старости) профессоров... [6]. Однако основные претензии молодых бунтовщиков к социуму выглядели весьма расплывчато. Парижские фасады украсились граффити с такими лозунгами: «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не померешь с голоду, платят риском помереть со скуки», «Будьте реалистами – требуйте невозможного!», «Ты нужен начальнику, а он тебе – нет», «Курение убивает. Принимайте ЛСД!», «Представь себе: война, а на нее никто не пошел!», «Запрещается запрещать!», «Пролетарии всех стран, развлекайтесь!», «Вставай, проклятем заклеивший университет!» и так далее. В целом создавалось впечатление, что студенты протестуют именно против уклада жизни – чересчур стабильного и разумного по их мнению.

«Красный май» быстро закончился. Студенческие митинги разогнала полиция. Перепуганные обыватели на внеочередных парламентских выборах безоговорочно выбрали президентский Союз поддержки республики. Парижский университет был волевым порядком разделен на тринадцать отдельных учебных заведений, каждое со своей специализацией. Но парижский пример не остался без подражаний – волна студенческих выступлений весной 1968 года прокатилась по Марселю и Лиону, Берлину и Гамбургу, Мадриду, Барселоне, Брюсселю, Милану, Буэнос-Айресу, Панаме, Лиме и Куско... На ступенях вашингтонского Капитолия «на всякий случай» дежурила национальная гвардия с пулеметами. Пражская весна

Universities become sources of social theat. Given the global trend toward stabilization, they continue produce new lifestyles that deny the old traditional style of life. The global information network catches these new lifestyles and rapidly circulate them: from the West that builds up its economy on knowledge production to the East that historically lacks the immunity to new styles of life.

Unwillingness to retard

On the cusp of the 1960-1970s the social threat carried by universities manifested itself in the most evident and straightforward way. Students and young professors of University of Paris were the first to feel the coming stagnation and responded with the youth maximalism. In May 1968 the students of Nanterre University (at that time a part of University of Paris) created a disturbance against infringement of Sorbonne privileges and higher fees for education. Trade unions joined the disturbances and announced a general strike. There were demonstrations, clashes with the police and barricades in the streets. The rebellious students were supported by young intellectuals, among which were Jean-Paul Sartre and Michel Foucault.

Some of the rioters' demands were more or less comprehensible: retirement of 78-year old Charles de Gaulle, appropriation of additional funds for education, student self-government, change of priorities in the system of higher education. The students were most of all indignant with absolutely obsolete methodology and senile professors... (Tarasov, 1999)... However,

(в которой студенты приняли живейшее участие) продержалась до августа, но была раздавлена танками Варшавского договора [7].

Университеты убедительно продемонстрировали свою взрывоопасную сущность.

Кампус и монастырь

В последующие десятилетия университеты все больше воспринимаются как объекты опасные, чем-то схожие с военными полигонами. Только испытывают на них не новые виды оружия, а новые идеи и уклады жизни. Соответственно растет тенденция вынести этот непредсказуемый объект из общей структуры города – подальше от мест компактного проживания мирного населения. Приобретает популярность идея кампуса.

Латинское слово «кампус» первоначально обозначало равнину, степь, открытое поле – в первую очередь поле

< Сегодня уличные битвы вспоминаются как давнее прошлое. Сорбонна тиха и спокойна в своем величественном сне... / Today street battles became a thing of the past. Sorbonne is quiet and calm in its majestic sleep...

their protest was generally against the style of life, which was too stable and rational in their opinion.

“The Red May” came to its end very quickly. The police broke up student rioting. Frightened inhabitants obediently elected the president’s Union for the Republic. University of Paris was divided into thirteen separate institutions, each one with its own area of specialization. The Parisian example was followed by Marseille, Lion, Berlin and Hamburg, Madrid, Barcelona, Brussels, Milan, Buenos Aires, Panama, Lima and Cuzco..., where student uprising occurred in spring 1968. The armed national guard with guns kept the watch on the steps of the Washington Capitol, just in case. The Parisian spring (with active participation of students) lasted till August, but was suppressed by tanks of the Warsaw Treaty (Novikov, 2012).

Thus the universities demonstrated their explosive nature.

Campus and monastery

In the following decades universities were perceived as dangerous facilities, like firing grounds. Instead of new weapons, they proved new ideas and styles of life there. Consequently, such facilities were to be taken out of the common urban structure, out of densely populated places. So the idea of campuses became popular.

Originally the Latin word ‘campus’ meant a plain, a steppe or an open field, first of all a battle-field or even a battle beyond the city. A university campus is a self-sustaining (or at least striving for self-sustainability) complex of

educational, industrial, administrative and residential buildings with necessary infrastructure. That is a campus is a separate viable mini-city similar to a medieval monastery. In addition, a high degree of self-government and ‘privileged isolation’ from the socium makes this similarity more obvious. Today’s (and certainly tomorrow’s) campus is built like a monastery: something in between a fortress and a research institute.

Canons of monastery architecture were formed long ago. Three variants of isolation of a monastery from the city can be distinguished among a great variety of examples.

The first and the most evident one is to locate a monastery complex outside the city limits, the farther the better. For example, the Solovetsky Monastery was built in this way...

The second variant is a monastery campus as a closed structure inside the city. Novodevichy, Zachatyevsky and other medieval monasteries in Moscow have such structures. These campuses are isolated from the common urban structure – not necessarily by walls. The border can be conventional and permeable, but it is always neatly defined. The campuses have a clear center (or several centers) around which educational, residential and service facilities are located. Such campuses enjoy exterritoriality in relation to city authorities.

The third variant is location of the whole complex inside one building, like in European gothic cathedrals, such as Westminster Abbey, Notre Dame

> Карикатура Джемса Гиллроя на строгости устава университетских кампусов XIX века. Запрещено приводить в кампус личную собаку / Caricature by James Gillray of strictness of university campuses regulations in the XIXth century. It is forbidden to bring your own dog into the campus

сражения или даже само сражение за чертой города. Университетский кампус – это самодостаточный (или, во всяком случае, стремящийся к самодостаточности) комплекс учебных, производственных, административных и жилых зданий со всей необходимой инфраструктурой. То есть кампус – это отдельный, жизнеспособный сам по себе «мини-город», весьма сходный со средневековым монастырем. Добавим к этому высокую степень самоуправления и «привилегированной изоляции» от остального социума – и сходство станет еще очевиднее. Сегодняшний (а тем более – завтрашний) кампус строится по-монастырски – как нечто среднее между крепостью и научно-исследовательским институтом.

Каноны монастырской архитектуры сложились давно. Среди множества конкретных примеров можно выделить три варианта (способа) изоляции монастыря от города.

Первый, наиболее очевидный, – вынос монастырского комплекса за пределы городской черты, желательно куда-нибудь подальше. Так построен, например, Соловецкий монастырь. Расположенный на четырех островах, монастырь обладает значительной степенью автономии: он не подчинен местной епархиальной власти, а только непосредственно патриарху, то есть имеет статус ставропигиального. Основной комплекс строений монастыря на Большом Соловецком острове укреплен и обнесен циклопическими стенами из местных валунов. В конце XVII

века эти стены успешно удерживали осаду войск Петра I, когда монастырь стал оплотом сопротивления никоианским реформам. Если бы дело происходило в 1968 году, газеты написали бы: «Кампус успешно сопротивляется попыткам ОМОНа подавить антиправительственные беспорядки».

Второй вариант – монастырский кампус как замкнутая структура внутри города. Таким образом организованы, например, Новодевичий, Зачатьевский и прочие средневековые монастыри Москвы. Такие кампусы выделены из общей структуры города – не обязательно стенами, граница может быть условной и проницаемой, но она всегда четко обозначена. Кампус также имеет внятный центр (или несколько центров), вокруг которого иерархически расположены учебные, жилые, служебные и вспомогательные строения. Кампус обладает определенной экстерриториальностью по отношению к городским властям.

Третий вариант – расположение всего комплекса внутри одного здания. Таковы, например, готические соборы Европы – Вестминстерское аббатство, Нотр-Дам и так далее. В России практически не сохранилось памятников такого рода, разве что в комплексе собора Василия Блаженного, несмотря на многочисленные перестройки, прослеживается первоначальная идея кампуса.

Многочисленные примеры монастырских кампусов всех трех типов можно обнаружить в Азии. Большинство буддийских храмов и монастырей именно так и строились, и строятся сейчас – как самодостаточные, отделенные от окружающего города единицы. Таким же образом организованы и азиатские университеты.

Архитектура университетов – новая готика

Настороженное отношение социума к университетам вызывает к жизни еще одну тенденцию. Как и всякая страта, находящаяся под повышенным социальным давлением, университеты стремятся к объединению в единую систему. Растут и развиваются связи между университетами, обмен студентами и преподавателями, унифицируются программы и административные правила обучения. Данный процесс также схож с тем, что происходило в

etc. In Russia there are practically no monuments of this kind, except for the complex of St Basil's Cathedral, where the original idea is visible despite many rearrangements.

There is a great variety of monastery campuses of all three types located in Asia. The majority of Buddhist temples and monasteries were and are built like self-sustaining units separated from the urban environment. Asian universities are formed in the same way.

New Gothic Architecture of universities

The society's cautious attitude to universities produces one more trend. Like any stratum under high social pressure, universities aspire to a united system. Universities tighten links between each other, develop exchanges of students and professors, and unify programs and administrative rules of education. This process can be compared to what happened in the medieval period, only the international language is now English instead of Latin. A modern university campus is truly international, be it Delft University (Netherlands) or King Mongkut's University (Thonburi, Thailand). The supranational features of the campus also shape its architectural look. If not for the palms and a huge portrait of the King of Thailand, the campus in Thonburi would resemble the one in Delft. Like the international Gothic, today's university architecture is becoming a common style independent from national, religious or other local traditions.

Средние века, – разве что роль международного языка теперь играет не латынь, а английский. Современный университетский кампус – это настоящий интернационал, идет ли речь об университете города Делфт (Голландия) или об университете короля Монгкута (Тхонбури, Таиланд). Наднациональный характер кампуса определяет и его облик. Если бы не пальмы да огромный портрет тайландского короля, кампус в Тхонбури ничем не отличался бы от кампуса в Делфте. Подобно международной готике, сегодняшняя университетская архитектура становится единым стилем, независимым от национальных, религиозных или иных локальных традиций.

Концепция «нового средневековья» на различной основе (философской, социологической, культурологической...) неоднократно возникала на протяжении XX века. Приведу лишь одну цитату из эссе Умберто Эко: «Ничто так не похоже на монастырь (затерянный в сельской местности, обнесенный стенами, мимо которых проходят чужестранные варварские орды, населенный монахами, не имеющими ничего общего с миром и ведущими свои собственные исследования), как американский университетский городок. Время от времени Государь зовет одного из этих монахов и делает его своим советником, посылая с посольством в Китай; и тот равнодушно переходит от затворнической жизни к светской, получает власть и пытается руководить миром с тем же аскетическим совершенством, с каким коллекционировал свои греческие тексты» [8, С. 266].

Возможно, идея изоляции университетов покажется отталкивающей. Однако альтернатив взаимоотношениям университета и города немного. Университет, растворенный в структуре города, способен «переварить» этот город и превратить его в себя – так произошло с городками Оксфорд и Кембридж. Или университет может уступить городу, растерять все свои свободы и привилегии и (вместо производства новых разрушительных идей) заняться обезвреживанием молодежи. Унылая, скучная и безрадостная атмосфера таких университетов не имеет уже ничего общего с социальным и технологическим прогрессом, а плодит лишь мелких чиновников – тихих и послушных слуг «остывающего» социума.

Впрочем, и для таких заведений нужна своя архитектура, но это – повод уже для совсем другого анализа.

The “new medieval” concept with a various bases (philosophical, sociological, culturological) often appeared in the XXth century. As Umberto Eco said in his essay, “Nothing more closely resembles a monastery (lost in the countryside, walled, flanked by alien, barbarian hordes, inhabited by monks who have nothing to do with the world and devote themselves to their private researches) than an American university campus. Sometimes the prince summons one of those monks and makes him a royal counselor, sends him as envoy to Cathay; and he moves from the cloister to secular life with indifference, becoming a man of power and trying to rule the world with the same aseptic perfection with which he collected his Greek texts.” (Eco, 1994, p. 266).

The idea of university isolation may seem forbidding. But university-city relationships have very few alternatives. The university blended in the city structure can ‘digest’ and turn this city into itself, like it happened to university towns of Oxford and Cambridge. Or the university can give way to the city, losing all its liberties and privileges, and, instead of producing new destructive ideas, begin to deactivate the youth. Dull and sad atmosphere of such universities has nothing in common with the social and technological progress. It only multiplies petty officers, quiet and obedient servants of a ‘cooling down’ socium.

However, such institutions require their own type of architecture. But it is a subject of another analysis.

Список литературы

1. Коротаев А. Л., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Изд. 2-с, испр. и доп. / Отв. ред. Н. Н. Крадин. – М.: КомКнига, 2007. – 256 с.
2. Клинов В. Г. Мировая экономика: прогноз до 2050 г. // Вопросы экономики. – 2008. – № 5. – С. 62–79.
3. Foerster, H. von, P. Mora, and L. Amiot. Doomsday: Friday, 13 November, A. D. 2026 // Science. – 1960. – № 132. – P. 1291–1295.
4. Maddison A. The World Economy Historical Statistics. Paris: OECD, 2003, 256 p.
5. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books, 1973. – 507 p.
6. Тарасов А. In memoriam anno 1968 // Записки Rider. – 1999. – № 8. – С. 112–119.
7. Новиков М. А. Молодежные бунты 60-х гг. XX в. и становление государственной молодежной политики // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 32. Июнь 2012. – http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_32_ijun_2012_g./iz_istorii_upravlenija/novikov.pdf (дата обращения: 25.02.2015)
8. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.

References

- Bell, D. (1973). The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. – N.Y.: Basic Books.
- Eco, U. (1994). The middle ages already begun. [Srednie veka uzhe nachalis]. Inostrannaja literature, 4, 258–267.
- Foerster, H. von, Mora, P., Amiot, L. (1960). Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026. Science 132, 1291–1295.
- Klinov, V.G. (2008) World economy - forecast to 2050. [Mirovaja ekonomika – prognoz do 2050]. Voprosi ekonomiki, 5, 62–79
- Korotaev, A.L., Komarova, N.L., Halturina, D.A. (2007) The Laws of history: Century cycles and thousand-year trends. Demography, economy, wars. 2-nd Edition. Moscow: KomKniga.
- Maddison, A. (2003). The World Economy Historical Statistics. Paris: OECD.
- Novikov, M.A. (2012). Youth revolts of the 60th of the XX century and formation of the state youth policy. [Molodezhnie bunti 60-h godov XX veka I stanovlenie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki]. (Electronic version). Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnij vestnik.32.
- Tarasov, A. (1999). In memoriam anno 1968. Zabriskie Rider. [Zabriskie Rajder]. 8, 112–119.

^ Сегодняшних студентов заботят другие проблемы. Образование становится настолько дорогим, что кредиты для получения диплома ложатся тяжким грузом на многие десятилетия последующей жизни. Карикатура DonKeyHotey / Today's students are worried about other kinds of problems. Education becomes so expensive that a loan taken to receive a diploma becomes a heavy burden for many years to come. Caricature by DonKeyHotey